

ЭДУАРД НОРДМАН

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ: ГЕНЕРАЛ КГБ РАССКАЗЫВАЕТ

Эдуард Нордман

**Штрихи к портретам:
Генерал КГБ рассказывает**

«Public Domain»

2004

УДК 351.746.1(092)
ББК 67.401.212

Нордман Э. Б.

Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает /
Э. Б. Нордман — «Public Domain», 2004

ISBN 985-6302-40-4

Эта книга — документальный рассказ о выдающихся людях второй половины XX века. Среди них — легендарный партизанский командир В.З. Корж, руководители СССР и союзных республик А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, К.Т. Мазуров, П.М. Машеров, С.О. Притыцкий, Ш. Рашидов и другие не менее известные личности, с которыми автору приходилось встречаться. В книге много интересных эпизодов и фактов, оригинальных фотографий, публикуемых впервые. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 351.746.1(092)
ББК 67.401.212

ISBN 985-6302-40-4

© Нордман Э. Б., 2004
© Public Domain, 2004

Содержание

Предисловие	5
ЮРИЙ АНДРОПОВ	7
МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Э.Б. Нордман

Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает

Предисловие

Книга носит мемуарный характер. В ней, между прочим, любопытен образ автора, нарисованный им самим. Это прослеживается во всех главах, особенно в рассказах о Ю. Андропове, К. Мазурове, П. Машерове, В. Корже, Ш. Рашидове, М. Горбачеве.

Автор – уникальная личность. С июня 1941 до июля 1944 года (1119 дней и ночей) воевал в глубоком тылу врага, находясь в рядах пинских партизан. В первые сутки войны девятнадцатилетний юноша получил винтовку, 90 патронов, гранату. 28 июня состоялось боевое крещение отряда. В этом бою прозвучал первый партизанский выстрел в Великую Отечественную войну.

Он часто попадал в безвыходные, казалось бы, ситуации, но всегда уходил от смерти. В 1941-м о нем ходили легенды на Полесье. На его боевом счету – бронепоезд и 9 эшелонов, пущенных под откос, десятки боев и дерзких операций, в которых он был на переднем крае. Разведчик в обозе не отсиживался.

8 июля 1941 года был создан Пинский подпольный обком комсомола (впервые в Великую Отечественную войну). В течение трех лет Э.Б. Нордман сначала был заместителем секретаря, потом секретарем и членом обкома. Одновременно он возглавлял Пинский подпольный горком комсомола. Это был героизм повседневный. О нем в 1942 году писал К.Т. Мазуров из тыла врага: «Нордман – геройский парень. Прославился здесь в 41-м. Однажды надел немец-

кую форму, подобрал «полицейских» из партизан и в роли «коменданта» разоружил несколько гарнизонов».

Совесть автора всегда была чиста. Не кланялся пулям в войну, не прогибался после войны, никому не кланяется сегодня. Может, сознание правоты, чувство выполненного долга и позволяли ему говорить правду в лицо товарищам – будь то член Политбюро ЦК КПСС или рядовой сотрудник.

Прямота и честность вызывали уважение у одних, озлобление и ненависть у других. Правда, первых было значительно больше.

Партизанская жизнь не воспитывала чиновничества. Почитание мужества – да. Но не лизоблюдства.

Автор пишет только о том, что лично видел и слышал, вымысла не допускает.

Это о нем в «Российской газете» за 28 июня 2001 г. написала журналистка Я. Юферова: «Один из самых заслуженных белорусов в Москве и авторитетных москвичей в Белоруссии причастен к такому количеству событий, что надо торопиться слушать и слышать эту живую легенду».

Я.Я. Алексейчик.

ЮРИЙ АНДРОПОВ

19 мая 1967 года председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР был назначен Юрий Владимирович Андропов. Об этом я услышал утром по радио «Свобода». Пришел на «водопой» к колоннаде в Карловых Варах, где встретил группу генералов из центрального аппарата КГБ. Тогда на этом курорте передачи советского телевидения не принимались, газеты из Союза приходили с опозданием на сутки, потому мое сообщение для них было полной неожиданностью. Первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Н.С. Захаров даже изменился в лице:

– Откуда ты взял такую информацию? Что ты мелешь?

– Николай Степанович! Мне товарищи подтвердили, что они то же самое слышали по московскому радио. Семичастного освободили, Андропова назначили.

Генералы быстренько ушли в свой санаторий звонить в Прагу и в Москву. В обеденный «водопой» высокие московские чины из Комитета уже скупко комментировали это назначение. Н.С. Захаров сразу же улетел в Москву. Мы же – работники рангом пониже – продолжали спокойно лечиться и отдыхать. Нас это сообщение не взволновало.

* * *

Летом того же 1967 года в КГБ СССР готовился к рассмотрению на коллегии вопрос о введении личных лицевых счетов для каждого оперативного работника. Мне тогда поручили возглавить рабочую группу по подготовке соответствующих материалов.

Изучили историю вопроса, начиная с 1918 года. Оказалось, что дело это в системе госбезопасности отнюдь не новое. Просматривая документы 20–30-х годов, мы уловили удивительную закономерность. За введением в 1934 году лицевых счетов в НКВД последовали репрессии 1936–1938 годов. Среди других причин сработал и «стимул личной заинтересованности».

Появились желающие состряпать побольше дел, найти побольше «врагов» и тем отличиться на службе. Чем больше дел завел, чем больше людей арестовал, тем больше поощрений, наград и прочих благ. Были ведь и в органах прожженные карьеристы, интриганы, просто подлецы. Возможно, не так уж много, но были.

Так зачем заново создавать ситуацию 30-х годов, думалось мне тогда. Ведь в свое время, работая в Белоруссии, я рассматривал тысячи дел по реабилитации осужденных в 1937–1938 годах. И начитался там такого, что сорок лет забыть не могу...

Я в то время не знал, что идею о личных лицевых счетах оперативных работников подали Андропову генералы Цинев, Титов и Горбатенко. Уже потом мне В.А. Крючков показал их записку с резолюцией Юрия Владимировича: «Подготовить вопрос на коллегию».

В августе 1967 года меня вызвали на третий этаж Лубянки, где был кабинет председателя. Дежурный секретарь подполковник Юрий Сергеевич Плеханов (впоследствии генерал-лейтенант) записал мое сообщение и пошел докладывать Андропову. Меня попросил не уходить, вдруг понадобятся какие-либо уточнения. Из кабинета председателя он вышел довольно быстро, поскольку Андропов сказал: «А чего это он докладывает через «переводчика», пусть заходит сам».

Зашел. Доложил:

– Нордман, заместитель начальника службы № 1 Второго главного управления.

Извинился, что небрит, всю ночь провел на работе, выполняя поручение руководства, связанное с острым сигналом из Средней Азии. К счастью, то была ложная тревога.

– Ну что ж, вам испортили выходной, и мне приходится работать в субботу.

Юрий Владимирович предложил присесть. Принесли чай с лимоном и сушками. Чай я выпил, а к сушкам прикоснуться постеснялся, хотя в десять утра уже и не мешало бы подкрепиться.

И начался содержательный разговор по проблемам работы КГБ. Андропова интересовали многие вопросы и детали. Его можно было по-человечески понять: он был новым руководителем и только осваивал работу Комитета. Помню, на один щепетильный вопрос отвечать не хотелось. На мой уклончивый ответ, что мне, полковнику, по рангу вроде бы и не положено давать оценку этой государственной проблеме, он среагировал быстро: «Мы же разговариваем как коммунист с коммунистом, а не как начальник с подчиненным». Юрий Владимирович перешел на «ты» и как-то незаметно расположил к откровенной беседе. Скованность моя пропала. Высказывал свою точку зрения без оглядки.

Разговор продолжался три часа. Чай приносили еще несколько раз. Пошли в ход и сушки.

– Как относишься к идее введения личных лицевых счетов для каждого чекиста? – спросил Андропов.

– Крайне отрицательно, Юрий Владимирович.

– Почему?

Я обстоятельно аргументировал ответ, высказал сомнения. И добавил:

– Тот председатель, который подпишет приказ о введении этого «новшества», через пять-шесть лет может получить новый 1937 год.

– Не боишься говорить мне об этом? Я же дважды выступал на коллегии и требовал ускорить подготовку приказа.

– Нет, не боюсь. Я ведь разговариваю как коммунист с коммунистом. И убежден в своей правоте.

– Да, запустил ты мне жука в ухо... Почему же члены коллегии не могли сказать мне так откровенно?..

– Не знаю, не могу ответить за них.

На том вопрос был закрыт. Вот уже тридцать пять лет о нем не вспоминают.

Умел Андропов слушать, умел отказаться от своей же точки зрения, если получал доказательство, что был не прав.

Я рассказал, казалось бы, о рядовом вопросе. Но этот эпизод свидетельствует о том, что Юрий Владимирович умел на все смотреть масштабно, по-государственному. Кто знает, может быть, отвергнув предложение о лицевых счетах, он предотвратил развитие советского общества по пути далеко не лучшему. Только за одно это мудрое решение он заслуживает народного уважения.

* * *

После выходных, как обычно, пришел на службу. В обеденный перерыв пообщался и почувствовал, что изменился «климат». Мне приветливо улыбались, не сторонились, как это было после моего выступления на партактиве (выступая в прениях, я резко критиковал идею введения личных счетов. Это было неслыханным делом по тем временам. Друзья мне говорили: собирай чемоданы). Что произошло с этим «климатом», я узнал через несколько дней. Секреты не держались, о нашем с председателем разговоре стало известно. Спасибо «господину случаю», что он вывел на откровенный разговор с Андроповым. Нарочно не придумаешь и не спланируешь.

Прошли годы. Я все время искал ответ на вопрос, почему Юрий Владимирович относился ко мне с особым доверием в те времена. Думаю, тот субботний откровенный разговор послужил мне «охранной грамотой», поворотным пунктом в моей судьбе.

Оказывается, после выступления на партактиве (по поводу лицевых счетов) мне стали подыскивать место подальше от Москвы. Думаю, выбраться из такой опалы мне не удалось бы.

* * *

Когда я работал начальником УКГБ Ставропольского края, Ю.В. Андропов каждый год приезжал на лечение в санатории Кисловодска и Железноводска. Застолья не любил. Много читал. Два раза в неделю – кино. Привозил с собой записи Галича, Высоцкого, Рубашкина. В то время это было недоступно для меня в крае. Записи храню до сих пор.

Любил Юрий Владимирович забивать «козла», т.е. играть в домино. Эта игра, шутил он, по интеллекту стоит на втором месте после перетягивания каната. Она отвлекала его от государственных забот хоть на пару часов.

На отдыхе он много работал. Фельдъегерь ежедневно привозил из Москвы пакет документов. Отдыхал с женой Татьяной Филипповной. Иногда на неделю-другую приезжали сын Игорь и дочь Ирина. Но часто я оказывался единственным собеседником Юрия Владимировича. Говорили о многом и откровенно.

Однажды я рассказывал ему о партизанских делах. Как все было в самом начале войны. О том, что уже через несколько месяцев после прихода гитлеровцев появились полицаи, предатели, другие прислужники оккупантов, из эмиграции вернулись помещики.

В то время у меня, комсомольца, 19-летнего юноши, не укладывалось в голове, как это могло быть. Перед войной столько говорилось о могучем морально-политическом единстве народа – и вдруг такое...

Андропов задает вопрос:

– Ну а если, не дай бог, в наше время возникнет ситуация, подобная 1941 году (разговор шел в 1971-м)?

– Юрий Владимирович, теперь, когда я знаю обстановку не только на Северном Кавказе, но и по всей стране, могу сказать, что предателей и негодяев будет в несколько раз больше, чем в 1941 году.

– Подумай, что говоришь.

– Я думал об этом не один день и не одну ночь.

Опять разговор был долгим...

Прошлись по всем проблемам: об опасности национализма, о мусульманском факторе, о влиянии враждебной идеологии на молодежь и т.д.

Юрий Владимирович – немногословный по характеру и даже молчаливый по долгу службы человек, в чем убеждались люди, знавшие его лично, – постоянно думал. Думал о будущем. Должность у него была такая – отвечать за государственную безопасность в полном объеме.

* * *

Вспоминаю еще об одном эпизоде, об одном откровенном разговоре, который не прибавил мне доброжелателей. Лето 1970 года. Кисловодск. Юрий Владимирович на отдыхе.

– Скажи откровенно, почему Второй главк (штаб контрразведки страны) не работает, как того требует обстановка?

– Не знаю, Юрий Владимирович.

Не хотелось мне отвечать. Уклонился от прямого ответа. Стал что-то объяснять, но туманно и расплывчато.

– Нет, ты давай откровенно, прямо, как всегда. Или не хочешь отвечать на вопрос?

– Не хочу, Юрий Владимирович.

– Сам ведь работал в Главке, знаешь его изнутри.

– Ну, раз откровенно, так откровенно.

И стал перечислять, загибая пальцы, проблемы контрразведки, мешающие, на мой взгляд, работать. А закончил вот чем:

– Главная проблема, Юрий Владимирович, в руководстве.

Пока Г.К. Цинев будет начальником Главка, толку не будет. Он всех задергал, запугал...

– А куда же его денешь. Всем известна его личная дружба с Брежневым.

– Знаю, Юрий Владимирович. Самый простой выход – выдвинуть его заместителем председателя Комитета и дать ему второстепенные вопросы – хозяйственные, финансы, архивы. И Цинев будет доволен, и Брежнев не станет возражать.

Посмотрел он на меня, задумался. А через несколько месяцев выдвинул Цинева в замы. Кто мог предположить, что по прошествии еще нескольких лет Цинев станет первым заместителем председателя КГБ СССР, Героем Социалистического Труда, генералом армии, членом ЦК КПСС?! Фактически больше, чем первый зам.

Все бы ничего. Состоялся откровенный разговор, мало ли таких было. Я стал о нем забывать. По обыкновению, в середине отпуска Юрий Владимирович улетел в Москву провести заседание коллегии. И повел на ней разговор о недостатках в работе контрразведки, перечисляя их и спрашивая остальных.

– Вот такой недостаток?

– Правильно, Юрий Владимирович.

– А это?

– Правильно.

Перечислил все и говорит:

– Сегодня вы дружно подтверждаете: «Правильно, правильно, Юрий Владимирович!»

А почему вы, члены коллегии, за все эти годы ни разу не сказали мне об этом? Нордман в Кисловодске за десять дней мог сказать, а вы... правильно, правильно...

Это был еще тот «подарочек» для меня. Потом мне некоторые по-дружески говорили, мол, чужак ты или мудака, сам же своими руками плодишь себе недругов.

– А как я мог поступить? Пытался уйти от ответа, но Юрий Владимирович настоял: «Всегда между нами была откровенность, а теперь...».

Кое-кто все это запомнил и долго не забывал. Особенно остро я на своей шкуре почувствовал силу этой «памяти» после того, как маятник моей биографии пошел вниз... Даже в 80-е годы, когда представляли к наградам, чья-то «заботливая» рука вычеркивала мою фамилию из списков.

Вот так пооткровенничал. Но не жалею – не покривил душой, значит, поступил правильно.

* * *

Однажды в Домбае Юрий Владимирович любовался белоснежными вершинами, радовался жизни и вдруг, обращаясь к первому секретарю крайкома партии М.С. Горбачеву, говорит:

– Скажите, какому марксизму-ленинизму мы учим в системе политпросвещения? При-
нуждаем ходить на занятия и сухим бесстрастным языком излагаем прописные истины. Мухи
дохнут от скуки. Мы же этим опошляем марксизм, отвращаем от него людей. А газеты? Прочитал
первую страницу «Правды», и в остальные издания можешь не заглядывать. Те же отчеты
о мероприятиях, встречах в верхах...

Моя младшая дочь Галина, тогда студентка медицинского института и свидетель того разговора, после сказала: «Меня поразило – член Политбюро, председатель КГБ, а как говорит. Мы, студенты, в курилках об этом шепотом судачим, чтобы чекисты не услышали».

* * *

В 1973 году я отдыхал в санатории и стал невольным слушателем разговора группы рабочих. Стояли они у Нарзанной галереи Кисловодска, пили нарзан. Не знаю, о чем они говорили до этого, но запомнилось следующее:

– Советская власть – наша власть, рабочих. Ее только надо хорошенько очистить от плесени, бюрократов и прочей гадости. Хорошенько почистить, с наждачком. А так власть наша, другой нам не надо.

За ужином я рассказал Юрию Владимировичу об услышанном разговоре. Он подумал, подумал и резюмировал: «А ведь лучше не скажешь».

* * *

Извини, читатель, что перескакиваю в XXI век.

Солнечное утро 9 мая 2002 года. Стою на троллейбусной остановке на проспекте Мира. Стою при «всем параде», орденах и медалях. Собрался ехать на Красную площадь, благо,

Совет ветеранов дал пригласительный билет. Долго стоял. Троллейбусы № 9 и 48 не торопятся. В День Победы к ветеранам – особое внимание, интерес к твоему «иконостасу». Пристально смотрит на меня человек, опрятно одетый, на небольшом подпитии по случаю праздника.

– Скажи, генерал, почему в августе 91-го нас никто не позвал на защиту Советской власти? Ответь, только честно ответь.

– Что молчишь, генерал? Мы бы пришли всем заводом.

Что я мог ответить человеку. Подошел троллейбус. Я уехал, а вопрос остался. До сих пор покоя не дает. И Андропова нет, посоветоваться не с кем.

Вот такая картинка жизни в начале XXI века.

* * *

Ранней осенью 1972 года едем в «Чайке» из Кисловодска в Домбай по новой дороге (в то время новой). Удивительно чистое небо, прозрачный горный воздух. Слева панорама Главного Кавказского хребта. Залюбуешься, такая неопишуемая красота. Куда там швейцарским Альпам! Справа на склонах – добротные кирпичные дома карачаевцев, новостройки.

Ф. Бурмистров, секретарь Карачаево-Черкесского обкома, убеждает Андропова:

– Юрий Владимирович, надо принять строгий закон и не разрешать строить дома свыше положенной нормы в 100 квадратных метров.

Андропов терпеливо и вежливо слушал. Вижу – кривится, не нравится ему разговор. Не выдержал и говорит:

– Вы хотите моими руками члена Политбюро и председателя КГБ принять такой строгий закон? Разве вы не понимаете, что для больших карачаевских семей по 10–12 человек надо строить именно большие дома. Тогда человек не будет стремиться уехать из родных мест. Он будет здесь жить. Он не пойдет в исполком становиться в очередь на получение квартиры. Если есть возможность у людей – пусть строят большие, хорошие дома. Радоваться, поощрять надо, а не запрещать.

Одним словом, пристыдил Бурмистрова.

Это к вопросу о том, что Андропову приписывают, будто он запрещал строительство дач, домов. Да, Юрий Владимирович был категорически против строительства дач начальством. Не раз говорил: «На свою зарплату ни один начальник коттедж не построит, значит, будет злоупотреблять, строить за чужой счет. Это непозволительно руководящим работникам, особенно чекистам. Им некогда будет работать, будут думать, как обогатиться. За чей счет? За счет трудового человека. Я против этого».

* * *

На отдыхе, случалось, выезжали на шашлык в горы. Помню августовский вечер, восходящая луна. В горах она, как огромный шар, в Беларуси так не бывает. Сухое вино (Андропов позволял себе только пригубить) несколько расслабляло, раскрепощало. Запевал кто-нибудь песню. Пел и Юрий Владимирович. Да еще как пел. У него был прекрасный баритон. Много песен знал, особенно казачьих. Мы старались подпевать, но не все знали слова. Он, обращаясь к Горбачеву, сказал однажды: «Понимаю, Нордман – белорус, может и не знать этой казачьей песни, а ты же местный... Как тебе не совестно не знать». И запевал новую. И опять Горбачев не знал слов.

Знали, что Юрий Владимирович пишет стихи. Однажды у костра упросили почитать их. Нам понравились. Душевные были стихи.

– Юрий Владимирович, – спросили, – а почему вы их не опубликуете?

– Я не поэт, пишу только для себя. Пусть печатаются профессионалы.

* * *

Не могу не вспомнить еще об одном. К юбилею членам Политбюро было положено издать книгу – статьи, речи и т.д. Издали и книгу Андропова. От приличного гонорара он отказался. Но редакция настаивала: надо получить, Брежнев не отказывается, другие получают...

Нашли выход. Перечислили деньги детдому имени Дзержинского. Помощникам своим Андропов строго сказал сделать так, чтобы ничего не попало в прессу.

Нет, не показная у него была скромность. В примыкающей к его рабочему кабинету комнате отдыха стояла обычная койка, на манер солдатской, застеленная обычным солдатским одеялом.

Умер Юрий Андропов в феврале 1984 года. Хоронили морозным днем. Провожал я его в последний путь со смешанным чувством.

Была все-таки обида за то, что Андропов не защитил меня, председателя КГБ Узбекистана, в 1978 году. Почему не защитил? Все стало ясно, когда узнал об одной фразе Юрия Владимировича: «Ну не мог я из-за Эдуарда сталкиваться с Шарафом». Это значит с Рашидовым и не только.

Проходят годы. В памяти народной Андропов остается светлой личностью. Нет ему равных среди политических деятелей второй половины XX века.

Андропов понимал, что многое надо менять в стране. Искал новые подходы в решении международных проблем. Но он никогда не допустил бы такого беспредела по отношению к народу, не допустил бы развала державы, как это сделали Горбачев и Ельцин.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Я знал двух Горбачевых. Горбачев Михаил Сергеевич в 60—70-е годы и до 1986 года – это один Горбачев. А после 1986 года – уже другой.

* * *

Судьба меня забросила на Ставрополье летом 1968 года. В мае – июне во главе большой группы офицеров я был в командировке в Грозном. Готовился вопрос на заседание коллегии Комитета государственной безопасности СССР. Почти полтора месяца знакомились с оперативной обстановкой и работой чекистов Чечено-Ингушской Республики, которая уже в те годы была, как бы помягче сказать, не «холодной точкой». В середине июня по аппарату правительственной ВЧ-связи позвонил из Москвы начальник управления кадров КГБ СССР В.М. Чебриков:

– Один в кабинете? Попроси товарищей уйти.

После некоторой паузы:

– Прошу завтра быть в Москве. Вылетай первым рейсом.

– А что случилось?

– Вчера было заседание коллегии, посоветовались и решили, что ты поедешь работать в Ставрополь начальником краевого управления.

– Виктор Михайлович, я ведь только три года как из Белоруссии приехал, семья толком не акклиматизировалась в Москве, дети учатся. Дайте хоть с женой посоветоваться.

– Но мы ведь не жену посылаем работать, а тебя. Советуйся, но завтра быть в Москве.

Позвонил жене:

– Собирай чемоданы, переезжаем в Ставрополь.

– А это где? Там, где Сочи?

– Нет, там, где Ессентуки.

Неделя в столице прошла быстро. Побывал на беседе в отделе ЦК КПСС, у секретарей ЦК, членов коллегии Комитета.

И у всех – непременно: расскажите о Чечне. Рассказывал подробно, благо за время командировки не только изучил тогдашнюю обстановку, но и заглянул в историю.

А ситуация в республике была напряженной. Население терроризировали две вооруженные банды, действовавшие еще с 1944 года. Плохо решались социальные вопросы, особенно беспокоили национальные отношения...

* * *

Утвердили меня начальником краевого управления на удивление быстро. Уже первого июля я был на новом месте службы. Ставрополь встретил жарой под сорок градусов и пылью. Старый, уютный губернский город. В основном двух- и трехэтажные дома, зеленые улицы.

В двадцатых числах июля 1968 года на пленуме вторым секретарем краевого комитета партии утвердили Михаила Сергеевича Горбачева. Первый секретарь крайкома Л.Н. Ефремов, толковый руководитель и мудрый человек, приболел, затем уехал в отпуск. На хозяйстве, как говорится, остался Горбачев. Общались с ним почти ежедневно. Это помогало мне осваиваться на новом месте, знакомиться с людьми.

Михаил Сергеевич производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный. Рядом с умудренным опытом Ефремовым – совсем даже неплохо.

Обстановка на Ставрополье чем-то напоминала Белоруссию. Отношения между людьми – простые. В меру – строгость, в меру – веселье.

На севере края – степь, лесостепь, на юге – горы, на востоке, ближе к Каспию, – полупустыня. Сейчас, когда туда пришла вода Большого Ставропольского канала, там оазис. Все знают, что это житница России, но не всем известно, что это зона рискованного земледелия. Природа закаляла людей, не давала расслабиться.

Жемчужины края – здравницы Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск, Теберда, Домбай. За последние сорок лет в крае выросли такие промышленные гиганты, как Невинномысск, Буденновск, Георгиевск, Минеральные Воды, сам Ставрополь стал городом-красавцем.

Но вернемся к Горбачеву. Семья была скромной. Дочь Ирина – умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна – скромный преподаватель сельхозинститута. Жили они без излишеств. Даже дачи – обычного финского домика – не имели. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей. По очереди.

Ко мне присматривались, что за человек приехал на Ставрополье. Но вскоре приняли в коллектив. И как-то незаметно это произошло. Осенью 1969 года подошла очередь нашей семье принимать гостей. Приняли по-белорусски. С драниками, мачанкой, грибочками и «Беловежской». После очередной чарки тамада предложил тост за нас с Ольгой Александровной и, между прочим, сказал: «У нас, казаков, людей принимают или на всю жизнь, или, если ты с червоточиной, хоть двадцать или пятьдесят лет живи в станице, все равно будешь чужаком. А вы за год вошли в нашу среду, как нож в масло. Будто всю жизнь с нами»...

Прикипел я к гостеприимному краю, внуки здесь родились и выросли, и приезжаю на Ставрополье, как в родные места.

* * *

Подходил 1970 год. Звонит первый заместитель Ю.В. Андропова С.К. Цвигун:

- Приезжай в Москву на пару дней.
- Да я недавно был, Семен Кузьмич, у меня вопросов в Москве нет.
- Ну я же не каждый день приглашаю, приезжай.

Во время встречи за чашкой чая Цвигун поинтересовался, как жизнь в крае и т.д., а затем задает вопрос:

- Кого ты видишь первым секретарем в крае?
- Двух человек. Босенко Николай Васильевич. Порядочный человек, инженер, участник войны, хороший организатор и работник. И Горбачев Михаил Сергеевич. Он моложе Босенко на 13 лет, юрист, далеко не глупый, перспективный.
- Он ведь первым секретарем крайкома ВЛКСМ работал в одно время с Шелепиным и Семичастным. Одна ведь команда.

Тогда «старики» в Политбюро, и особенно Брежнев, панически боялись тех, кто работал с Шелепиным и Семичастным. Я же не понимал и до сих пор не понимаю этих игр. Но тогда среагировал быстро:

- Семен Кузьмич, не входит Горбачев в эту команду.
- Откуда ты это знаешь, ведь недавно там работаешь.

Я привел убедительный пример. В 1966 году, отправляясь в командировку в Ставрополь, я получил конфиденциальное поручение заместителя председателя КГБ СССР по кадрам А.И. Перепелицина присмотреться к людям и подобрать кандидатуру на должность начальника УКГБ из местных. Мой партизанский товарищ Николай Лыжин, долго работавший секретарем крайкома партии по кадрам, посоветовал присмотреться к Горбачеву, секретарю горкома.

Короче, «привез» я тогда кандидатуру Горбачева, объективную характеристику на него. Когда доложили тогдашнему председателю КГБ СССР В.Е. Семичастному, тот отверг ее категорически: «Не подойдет, не показывайте больше эту кандидатуру».

Вот об этом я и рассказал С.К. Цвигуну, который был особо доверенным человеком у Брежнева, его старым товарищем. Это по его поручению Цвигун проявил интерес к Горбачеву. Большинству читателей, видимо, трудно представить все тонкости кадровых дел на «Олимпе» власти.

Для Горбачева это была последняя и решающая проверка. В январе 1970 года он занял высшую ступеньку в руководстве краем. Карьерный маятник круто пошел вверх. Его величество случай сыграл свою роль не только в жизни Михаила Сергеевича, но и, как оказалось впоследствии, в истории государства, Европы, мира, XX века. Сознавал ли я тогда значимость своего поступка? Нет, разумеется. Для меня было важным то, что поступил честно, не оклеветал человека, а сказал о нем то, что тогда думал и знал.

Тогда, в 70-е годы, по отношению к Горбачеву я поступил элементарно порядочно. Мне и во сне дурном не могло присниться то, что сделает Горбачев с государством, во главе которого волею судьбы окажется.

* * *

Все было впереди. А тогда, будучи первым секретарем крайкома, М.С. Горбачев работал много, заботился о развитии экономики края. Поддерживал и подхватывал добрые инициативы. Интересно работал над своими докладами, статьями. Подготовит ему аппарат уйму материалов, напишет «болванку». Он все это прочитывал, осмысливал, затем закрывался на несколько дней в кабинете и диктовал стенографистке свой текст, который затем обсуждался коллегиально.

* * *

Не один раз наедине мы обсуждали проблемы в крае и стране. Уже тогда всех тревожила обстановка. Понимали, что нужны реформы. Но я не помню, чтобы у Горбачева возникали идеи, подобные тем, которые у него появились в 1986-м и в последующие годы.

* * *

Как-то в Домбае за завтраком, на котором присутствовали П.М. Машеров, руководители Эстонии И. Кэбин и К. Вайно, разгорелась дискуссия об отчислениях в союзный фонд. Кэбин страстно доказывал, что 90 процентов производимых в республике мяса и молочных продуктов надо оставлять в Эстонии. Горбачев ставил вопрос так: а как тогда кормить рабочих Урала, которые для тех же эстонцев производят технику, как кормить армию? Машеров и Вайно улыбались, слушая спор, а Кэбин запальчиво отстаивал свою точку зрения:

– Как я могу сдерживать в республике национализм, если в 70-е годы эстонец потребляет мяса меньше, чем в 1940 году?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.